Вознесение

Автор SlutWriter

План Исаака провалился, и он это знал. Он был уверен, что Бобби сделает что-нибудь ужасное с этими хулиганами - может быть, даже убьет их. Это приведет к тому, что Бобби снова отправят в приемную семью или даже в колонию для несовершеннолетних. Исаак смутно слышал о таких местах. Это были места для мальчиков-преступников, мальчиков, склонных к насилию. Мальчиков, которые растлевали своих братьев и сестер, грабили магазины или поджигали вещи. В это чистилище он и хотел отправить Бобби. Вместо этого Бобби принял на себя побои - и теперь их мать умилялась Бобби еще больше, чем раньше, ухаживая за его ранами с неприличной преданностью.

Исаак понимал, что нужно принимать более решительные меры.

Он был очень похож на своего отца: когда его прижимали спиной к стене, он становился еще злее. С этой целью он раздобыл в продуктовом магазине немного мяса. Сырое, красное мясо. То, что мать стала уделять ему меньше внимания, пошло ему на пользу: в обычной ситуации такая вылазка вызвала бы как минимум подозрение, а то и откровенный допрос о цели. Но на деньги, взятые из ее кошелька, он без всяких происшествий достал кусок мяса. Мясо и еще один предмет.

"Давай", - вздохнул он. "Давай, дурачок". Он говорил не с собой, стоя на траве, разделявшей границу участка, а с собакой. У соседей через два дома, Чапеллов, была большая, старая, глупая бернская горная собака по кличке Мистер Чиббс, которая часто лаяла на Исаака в его молодые годы. Теперь, седой и ковыляющий, он подбежал к Исааку, сначала лаял, но потом затих, увидев, что в руках у него может быть угощение.

Мисс Чейпл была пьяницей и занудой, как говорил его отец, но "верной прихожанкой", которая почти никогда не пропускала службы. Единственная проблема, уточнил он, заключалась в том, чтобы она оставалась трезвой достаточно долго, чтобы посещать вечернюю мессу. Сейчас было пять часов, и солнце опустилось на небо. Она была вдова, одна в своем доме, и, конечно же, уже была на волоске от смерти - вряд ли она наблюдала за тем, как Исаак приводил свой план в действие.

"Давай, дурачок", - повторил Исаак. "Подойди и возьми его".

Исаак боялся собак - опыт подслушивания и слежки за Бобби только усугубил это, - а Мистера Чиббса он ненавидел еще в детстве. Собака была громкой и, казалось, с удовольствием ждала подходящего момента, чтобы напугать его до смерти. В ней была звериная хитрость, которую Исаак теперь считал порочной. Дьявольской. То же самое коварство, которое он видел в своем ужасном приемном брате.

Теперь он убьет двух зайцев одним выстрелом, поскольку предлагаемое мясо было так обильно посыпано купленным в магазине родентицидом, что это был скорее крысиный яд, чем стейк. Возможные моральные последствия этого поступка мало волновали Исаака. Бобби завладел вниманием его матери и делал с его сестрой странные вещи, о которых он не мог даже помыслить. Будущее Исаака - идиллическое место, где он видел себя хозяином паствы своего отца, - распадалось. Это было страшнее любых кошмаров с угрызениями совести, на которые способно отравление собакой.

Изгородь была причудливой, но довольно низкой, и он мог, встав на цыпочки, перелезть через нее, чтобы сделать свое подношение. Мистер Чиббс с удовольствием принялся есть мясо.

Исаак потрепал его за уши, бесстрастно глядя вниз. "Видишь, я не такой уж плохой", подумал он. Я хороший парень. Я буду вести стадо моего отца. Я буду приближать людей к Богу. Но для этого я должен избавиться от Бобби.

Он знал, что Бобби достаточно оправился от ранений, чтобы вернуться в школу в течение двух предыдущих дней. Отравить собаку, а затем подбросить в комнату Бобби крысиные приманки, начиненные мышьяком, было бы проще простого. А когда дело будет сделано и мисс Чэпл разбушуется, он со слезами на глазах признается, что видел, как Бобби предлагал собаке мясо.

Его мать, несомненно, встанет на сторону Бобби - она была под его влиянием, - но он может рассказать все отцу. А что могла сказать Ванесса Стерлинг, когда в комнате Бобби нашли яд? Исаак догадывался, что отец тоже недоволен Бобби, и это послужит поводом для того, чтобы отправить "черную овцу" в детский дом. В конце концов, Церковь Божественной Пятидесятницы не могла смириться со скандалом, связанным с отравлением собаки, и сохранить возможность собирать деньги.

Дело было сделано. Исаак оглядел окрестные дома - с этой стороны они были шикарными - и не увидел ни зрителей, ни лиц у окон. Он поправил жилетку и почувствовал, что весь промок от пота. Но он был горд собой. Заставить жизнь идти так, как ты хочешь... это был акт великой воли. Заставить людей поступать так, как ты хочешь. Брать то, что тебе нужно. Даже заставить людей любить тебя - все это можно было сделать... с помощью Божьей милости и воли. Отец учил его этому.

Пока она шла к дому, он поправлял галстук-бабочку и теребил чистую часть своих светлых волос. Он ожидал, что Бобби уйдет, а его мать и сестра окажутся дома - он спланировал все так, чтобы Бобби оказался на улице и у него не было алиби, - и тихий гул телевизора из семейной комнаты, казалось, подтвердил это. Он поднялся по лестнице и направился в свою спальню.

Но Ванессы Стерлинг, как оказалось, в гостиной не было. Она была в холле наверху. Исаак остановился на верхней площадке лестницы. Они смотрели друг на друга, как стрелки в старом вестерне, и его сердце забилось быстрее. Его молодой, испуганный разум закричал:

"Она знает! "

Но потом более холодный рассудок взял верх. Та часть, которая могла расчетливо понять, как играть на эмоциях, когда безопасно дергать за ниточки. Та часть, которая понимала, как избежать вины, настучать, свалить на других. Нет, говорилось в нем, это невозможно. Она не могла увидеть вас из окна в холле, потому что дом Сиверов очень высокий. Она никак не могла узнать.

А если она спросит про двадцать долларов из сумочки?

Я буду отрицать, а она подумает, что просто сбилась со счёта.

Годы наблюдения за отцом за кафедрой сделали его экспертом в понимании того, что хотят услышать другие.

"Ты в порядке, Исаак?" - мягко спросила его мать. Ему понравился этот тон... но на ней была блузка с вырезом, который одновременно возбуждал и настораживал его; он был рад, что она демонстрировала ему этот потрясающий вид на свою грудь, по причинам, которые он не мог объяснить. Он все еще считал ее своей, а не Бобби, что бы это ни значило. Поэтому это было приятно. Но... и странно.

"Я в порядке", - сказал он и пошел по коридору в сторону своей комнаты. Она стояла неподвижно, глядя ему вслед. Сначала он думал, что дойдет до своей комнаты и закроет дверь. Но в тот момент, когда его рука уже взялась за ручку, мама снова заговорила.

"Иди сюда", - сказала она. Он повернулся к ней, и она, сделав шаг вперед, опустилась на колени и крепко обняла его, позволяя почувствовать запах ее темных душистых волос и тепло ее тела, прижатого к его телу; это было возвращение к тому времени, когда она была только его, когда не было ни странного темноволосого приемного брата, ни тревог, ни сомнений, ни необходимости принимать решительные меры. Исааку на мгновение показалось, что во Вселенной все в порядке.

Затем ее губы прижались к его уху: "Где твой брат, Авель?" - прорычала она. И Исаак так окаменел от страха перед этим жарким шепотом, что у него перехватило дыхание.

Он даже не почувствовал, как шприц впился ему в шею, как был нажат поршень.

Воспоминания Кэла Стерлинга были туманными, сознание - неясным. Он помнил, как вернулся домой и подъехал к своему подъезду, полный решимости сделать то, что должно быть сделано. После встречи с Ричем Терлисом у него было несколько дней на размышления. Неужели он действительно поверил в то, что его приемный сын был каким-то демоном?

Нет. Кэл Стерлинг был человеком, который поддерживал веру в обратное. Из сердец и умов прихожан и в свои карманы. Сам он не верил в демонов. Но Бобби все еще был проблемой. Если не демон, то уж точно плохой ребенок. Плохой ребенок, который перевернул всю семью вверх дном. А это уже не могло продолжаться. Бобби должен был уйти.

Он вспомнил, как вышел из машины и увидел там Катрину, одетую в майку и джинсовые шорты, куда более нескромные, чем все, что он когда-либо позволял ей носить. Она прислонилась к двери гаража, засунув руки в карманы, и наблюдала за его приближением. Волосы у нее были дикие - даже в черноте он все еще помнил их длинные, почти нимфоподобные. Она носила пеньковую повязку или заколку с кристаллом в центре, что показалось ему языческим.

А потом... что случилось?

Он посмотрел на то, как вздымается ее грудь в топике, как плавный изгиб ее задницы выскальзывает из дырочек слишком коротких трусиков, и разозлился. Да. Теперь он вспомнил. Он подошел к ней, отругал ее и повысил голос. Он сказал ей, что она не может ходить по городу в костюме шлюхи. А когда показалось, что она не воспринимает его выговор всерьез, он схватил ее за запястье. Это маленькое, похожее на птичье, запястье. Он притянул ее к себе, желая снять этот головной убор, который выглядел по-друидически, как что-то, что можно надеть, делая идола из связанных палочек, как что-то, что можно надеть, делая гадания с помощью зубов домашней кошки. Он ненавидел это, и в тот момент он ненавидел ее, и то, во что она превратилась. Влияние мальчика. Но ее можно было спасти.

Спасти жестким, суровым наказанием.

Она вскрикнула от боли, когда он грубо с ней обошелся, и тогда он притянул ее к себе, извиняясь, но вовсе не искренне, но не желая суеты. А потом... потом...

Укол в шею. Давление шприца.

Кэл открыл глаза. Он находился на своей кухне - огромной, просторной кухне - и по темноте за

окном понял, что сейчас вечер. Его дом выглядел совсем не так, как он его знал. Кухонный стол был полностью сдвинут, оставив большое пустое пространство, окруженное шкафами и полками. Белый кафельный пол был в беспорядке измазан грязью, как будто извне принесли большие горсти садовой земли и разбросали по нему. Большой потолочный вентилятор и светильник были темными, лампочки выдернуты, отверстия забиты травой.

Вместо этого комнату освещали свечи. Красные и черные свечи. Десятки, сотни. От них исходило адское сияние. И, как он быстро понял... он не мог пошевелиться.

Кэл Стерлинг был пристегнут к стулу так же надежно, как опасный человек пристегивается к каталке. Большие, тройные и четверные слои клейкой ленты прикрепляли его лодыжки, запястья и грудь к стулу. Очки висели на кончике носа, измазанные грязью. Когда зрение прояснилось, он почувствовал холодок на коже и понял, что его раздели до трусов-боксеров. Ступни ног терлись о грязь, которая была навалена рядом с креслом. А слева от него, на расстоянии примерно трех футов, к стулу была привязана еще одна фигура... гораздо меньшего размера.

Исаак. Они оба уже проснулись, и их глаза расширились, глядя друг на друга. Их рты были заклеены скотчем, дышать можно было только через нос. Брови обоих были мокрыми от пота, в котором отражалось пламя свечи.

"Нннннрррг!" завопил Кэл.

"Мммммм!" взвыл в ответ Исаак. Они были в одинаковом положении, испытывали одинаковый страх. Худенькое тело Исаака было обтянуто одними трусиками, отчего он выглядел таким же хрупким и ничтожным, как и прежде.

Кэл лихорадочно огляделся по сторонам. Все окна были задернуты. На полу перед двумя стульями лежал круг темной земли в форме пентаграммы. В центре этого оскверненного символа стоял третий стул. Кэл узнал его - это был один из прочных стульев из комнаты отдыха внизу. Он был деревянным, сделанным из темного дерева. Почти черное. К подлокотникам были прикреплены свечи, с которых капал багровый воск. В воздухе витал запах крови... или мяса... или духов борделя.

Внезапно он почувствовал, что в комнате появились другие люди, зашедшие к нему со спины. Босые ноги стучали по кафелю. Они проходили мимо него по обе стороны, и мерцание множества свечей освещало их тела адским светом. Ванесса и Катрина, его жена и дочь. Абсолютно обнаженные, их груди и бедра образовывали круглые, прыгающие тени.

Они были дикими, как звери. Обнаженные до неприличия, без скромности, с волосами, переплетенными бусами и браслетами. Они достигли истинной красоты, которой не мешали ни разум, ни сдержанность. Их тела были совершенны, и когда они подошли к черному креслу и встали по обе стороны от него, в голове Кэла промелькнула нецензурная насмешка над невинностью Адама и Евы. Они словно перенеслись в какое-то первобытное время, еще до того, как свет христианства коснулся мира.

Они были накрашены - темный, дымчатый макияж глаз, более колдовской, чем любой другой, который они когда-либо наносили. У обеих были нарисованы - а может быть, и вытатуированы - руны прямо над мягкими, изогнутыми лобковыми буграми. Изображения пентаграмм и рогов Бафомета сочетались с формой матки и яичников, смешивая ругательства и священную функцию женского тела самым неподобающим образом. Посыл был ясен - репродуктивные органы и эрогенные зоны Ванесса Стерлинг и Катрина Стерлинг теперь принадлежат другому.

И на лицах обеих было безмятежное, довольное выражение, которое, казалось, упивалось этим неприглядным фактом.

Кэл закричал в свой кляп из скотча, но кроме приглушенных нечленораздельных стонов ничего не вышло. Свечи отбрасывали на грязную плитку еще одну длинную и мерцающую тень, по которой ступали новые босые ноги. Разумеется, это мог быть только один человек - Бобби. Последний, кто раскрыл себя, автор всего сценария.

Он дошел до кресла, повернулся и сел. Бедра слегка раздвинуты, полутвердый член свисает через край, а яйца громоздятся мужественным, пухлым объемом на упругой внутренней стороне бедра. В нем была несказанная сексуальность: ребра проступали по бокам торса, подвздошная кость глубоко врезалась в бедро. Он был абсолютно безволосым, юным грехом. А Ванесса и Катрина стояли на коленях рядом с ним, как с богом.

Бобби заложил руки за голову и сцепил пальцы, глядя на Кэла. Кэл смотрел в ответ с кипящей, тревожной ненавистью. Выражение лица мальчика было холодным. Его зеленые глаза, казалось, танцевали в свете свечи, и каждая соринка света таила в себе возможность.

"Итак... ты знаешь, - сказал наконец Бобби. Кэл издал хрюкающий звук в скотч, Исаак хныкнул. Пока они наблюдали за происходящим, Ванесса прислонилась лицом к правому подреберью Бобби, а Катрина - к левому. Они прижались лицами к гладкому, безволосому подбородку и глубоко вдыхали, стоная от возбуждения.

"Ты так хорошо пахнешь", - задыхалась Ванесса.

"И на вкус ты тоже хорош!" добавила Катрина. Это были единственные слова, которые произнесли мать и дочь, прежде чем они вытянули языки и начали лизать пожмышки Бобби, покорно очищая его, выпивая его чистый, выступивший там пот. Они лизали , зарываясь в них не менее унизительно, чем свиньи в корыто, а Бобби только откинулся назад и продолжал смотреть на Кэла и Исаака.

"Ты мог бы победить меня", - сказал Бобби, его голос разносился над влажными звуками лизания и обслуживания. "Если бы ты поверил хотя бы одному слову из своих уст".

"Я изгоняю тебя именем Бога!" закричал Кэл в кляп, его лицо покраснело. Но, конечно, получилось только "Нннгххх ннгах нннаах гнннхх!". Тем не менее, Бобби, похоже, все понял и засмеялся, медленно покачивая головой.

"Нет, - сказал мальчик, - ты прожил жизнь, в которой вино для причастия было просто кислым виноградом. Тело Христа - это просто черствый, несладкий хлеб". Он посмотрел вверх. "Бог - бессердечный ублюдок, но он могущественнее, чем я когда-либо мог бы быть. И все же ты ему не нужен, как и он тебе".

Он запустил руки в волосы Ванессы и Катрины. Это было так непристойно - видеть, как этот спесивый юноша без труда управляет ими. Он поднял обе свои ноги, и они с неистовым нетерпением принялись ласкать ртом его стройные ступни. Их ничуть не волновало, что подошвы были коричневыми от грязи. Они лизали его ноги, сосали пальцы, как свиньи, стонали от удовольствия, просовывая языки между каждой крохотной косточкой.

Исаак издал сдувающийся, высокий стон. Его мать и сестра, которых он когда-то желал странным и непонятным для него образом... вылизывали подмышки и ступни мальчика, который доказал, что он более способный во всех отношениях. Бобби посмотрел на Исаака. "Не волнуйся", - сказал он. "Для тебя найдется место. Для вас обоих".

Ванесса засунула в рот все пять пальцев Бобби и, захлебываясь слюной, принялась обслуживать его ногу. Слюна стекала перед креслом, возле узла пентаграммы. Только через несколько секунд она отстранилась, слюнные нити соединили ее рот с ногой Бобби, она задыхалась, продолжая теребить свою киску, как будто самого акта обслуживания его молодого тела было достаточно, чтобы довести ее до грани оргазма.

Бобби откинулся в кресле и поднял свои стройные ноги вверх. Его член взлетел вверх и шлепнулся вниз, обнажив яйца, ягодицы и задницу. Ванесса и Катрина застонали от удовольствия и схватились за его попку, раздвигая ее, обнажая розовую, безволосую 11-летнюю попку, разминая ее мягкую плоть. Они опустились на колени и наклонились так, что их лица оказались по бокам от него. Они стали целовать его задницу, внутреннюю поверхность бедер, яйца и промежность.

И Кэл, и Исаак издали сдавленные стоны. Они боролись в своих узах, двигая плечами, наклоняясь то в одну, то в другую сторону, пытаясь перевернуться, вырвать руку. Но это было бесполезно. Клейкая лента была многослойной, а стулья были прикреплены к полу - они даже не шелохнулись. Пристегнутые к спинкам стульев, они не могли даже дернуться более чем на полсантиметра в какую-либо сторону. Ванесса и Катрина смотрели на них, подставляя яйца, член и задницу Бобби под свои раскрасневшиеся и развратные лица.

"Я люблю лизать яйца Бобби, папа", - стонала Катрина. "Я хочу, чтобы ты это знал. Они такие большие, и из них выходит так много спермы. Больше, чем ты сделал, наверное, за всю свою жизнь". Она посмотрела на его промежность. "Я удивлена, что у вас с мамой вообще могут быть дети, раз у тебя такой маленький член". Она прижалась лицом к большому гладкому ореху Бобби и поцеловала его, присасываясь губами к толстому шару и причмокивая, заставляя его двигаться взад-вперед под ее посасыванием. Она надула щеки, как девочка-подросток надувает этот большой резервуар со спермой, побуждая его произвести еще больше оскверняющего, оплодотворяющего семени.

"Нннн!" - простонала она. "Я чувствую, как он выделяет еще больше спермы", - ворковала она, а затем поцеловала его с обожанием. "Бобби действительно знает, как меня кормить, папа. Ты пытался обеспечить меня как отец, но... ты оказался таким никчемным, лживым педиком!"

Кэл застонал и поник, свесив голову. Слышать эти слова из уст своей бывшей целомудренной дочери. Он беспомощно наблюдал за тем, как Катрина обслюнявила большое яичко Бобби, даже взяла его целиком в рот, отчего ее щеки порозовели. Внутренняя поверхность ее бедер была мокрой.

Тем временем Ванесса так же обрабатывала второе яичко Бобби. Она была ближе всех к Исааку, и мальчику было хорошо видно, как мать обслуживает его приемного "брата". Она стонала, мурлыкала, сосала Бобби по-матерински заботливо, заставляя Исаака тосковать по тем временам, когда он был ее главной заботой. Когда она повернулась, чтобы посмотреть на его поверженное лицо, на ее губах все еще оставались следы слюны, соединяющие толстые яйца Бобби с ее губами.

"Я люблю сосать член твоего брата", - злобно сказала Ванесса своему биологическому сыну с кляпом во рту. "После того как мы усыновили Бобби... я не могла не сравнивать вас обоих. А когда я узнала, что Бобби извергает чудовищные потоки по всей простыне, извергает столько спермы, что его большой член не может ее вместить... я так разгорячилась!" Она снова стыдливо поцеловала яйца Бобби. "Тогда я пошла в твою комнату, Исаак... и что же я там нашла?" Она засмеялась. "Ничего! Ни капли на твоих простынях. Твой крошечный червивый член никогда не сможет оплодотворить женщину! На фоне Бобби ты выглядишь таким

безмозглым мальчишкой!" Она с сожалением вздохнула и еще раз поцеловала Бобби в лодыжку, затем оглянулась на Исаака, который был поражен и смотрел на нее с отвращением.

"Мне стыдно, что такой маленький педик, как ты, появился на свет из моей утробы, Исаак, - прошипела Ванесса. "Ты просто подлый, лживый, ноющий говнюк. Я просто знаю, что ты бы вырос, чтобы сосать всевозможные члены алтарников, червяк!" Она сплюнула на землю. "Я лучше буду лизать задницу Бобби, чем еще раз поцелую тебя на ночь. Меня от тебя тошнит - от того, как ты трепалась со всеми мальчишками в школе, вместо того, чтобы заниматься своими делами... Нннн!"

А затем, прижавшись друг к другу, Ванесса и Катрина начали делать то, что описала Ванесса: сплелись языками, вылизывая анус Бобби, раздвигая его мягкие щеки, чтобы пойманные ими жертвы моглы видеть все подробности их ласк. Их руки медленно массировали его член, лежащий на животе и груди. "Как вкусно, папа!" стонала Катрина. "Ты хотел держать меня взаперти, не так ли? Но я столько всего видела! Бобби показал мне! И... мне все это нравится! Нет ни рая, ни ада... не для таких вещей! Удовольствие - это... все!"

Кэл бился в своих путах, когда перед ним разворачивалась эта непристойность. Он ревел в кляп до тех пор, пока ему не стало казаться, что горло вот-вот разорвется, но приглушенные звуки казались на кухне вялыми и бессильными, как будто их заглушала не только клейкая лента, но и тяжесть какого-то ритуала. Он смотрел, как языки его жены и дочери проникают в юный анус Бобби. Они жадно, с благоговением очищали его попку, по очереди зарываясь языками внутрь. Катрина засунула язык так глубоко, как только могла, прижалась губами к ободку Бобби и стала копаться в нем, а Ванесса с чем-то похожим на гордость ласкала ее волосы.

"Посмотри, Кэл, - дразнила Ванесса. "Твоя драгоценная дочь отсасывает из задницы твоего восемнадцатилетнего пасынка. Она чистит его кишки. Место, откуда он срет, Кэл. Вот к чему привело твое влияние как отца. Она скорее вылижет его горячую молодую задницу, чем будет слушать твои бредни".

Кэл сдавленно хмыкнул, и его тело обмякло в своем коконе из клейкой ленты. Катрина с наслаждением вылизывала задницу Бобби. Его невинная дочь, которой он долгое время не позволял показывать даже малейший намек на бедра или декольте, которой не разрешал смотреть никакие СМИ с обнаженной натурой или грубыми выражениями... сосала задницу, как свинья! И ее развратная киска была совершенно мокрой, пока она, по-звериному оскалившись, сидела на корточках.

Бобби поднялся со своего места, и Катрина последовала за ним на четвереньках, выгнув шею, фактически стоная от желания вновь соединить свой рот с его задницей. Ее упругие подростковые сиськи весело подпрыгивали под ее грудной клеткой. Бобби остановился перед Кэлом, всего в метре от него, и Катрина тут же раздвинула его задницу и снова принялась лизать и сосать его анус, на этот раз прямо на глазах у отца. "Посмотри внимательно, папочка!" - задыхалась она между глубокими облизываниями и посасываниями. "Боже, он такой вкусный! Я люблю трахаться, я люблю сосать, я люблю делать все то, что ты не хотел, чтобы я делала! Ругаться! Блядь, хуй, пизда, говно, моча, жопа! Я люблю быть грязной, ошибаться и быть низкой! Я хочу быть гребаной шлюхой до конца своих дней!"

Бобби смотрел на Кэла с выражением спокойного презрения. В это время Ванесса хлопнула в ладоши и свистнула в сторону задней части кухни, после чего раздался новый звук - быстрый топот лап и звяканье ошейника. Исаак, услышав, что это, несомненно, собака, вывернул шею, пытаясь разглядеть, но тщетно пытаясь отклониться в сторону и защититься. После того как он

увидел Бобби с бродячей собакой в переулке, он стал бояться их еще больше.

Но это была не злая бродячая собака. Скорее, это был мистер Чиббс. Большой бернский пес лоскутного окраса. Он с готовностью подошел к Ванессе и лизнул ее в бок, а Исаак беспомощно сидел с кляпом во рту и широко раскрытыми глазами.

"Ты думал, он умер?" спросила Ванесса, поглаживая Мистера Чиббса за ушами. "О, Исаак. В убийстве собак ты разбираешься не лучше, чем во всем остальном в своей жизни. Конечно, Бобби прекрасно знал, что ты можешь сделать". Она вздохнула и покачала головой. "Ты всегда был разочарованием, но на этот раз ты не разочаровал, не так ли? Ты поступил именно так, как думал Бобби".

Ее обнаженное тело непристойно искривилось, когда она опустилась на четвереньки, лицом вниз, задницей вверх. Матроновские пропорции - толстая попка, широкие бедра, огромные, висячие груди, прижавшиеся к кафелю, - были выставлены на позорное обозрение. Еще более непристойно выглядела большая, жирная красная ракета, растущая из промежности Мистера Чиббса, когда он возбужденно лапал ее ягодицы. Она действительно утолщалась по мере продвижения, превращаясь в жилообразную, шипящую багровую колбасу, которая выглядела невероятно твердой, с пересекающимися венами по всей поверхности. Из кончика уже вытекала прозрачная жидкость. Возле основания подпрыгивала и болталась пара набухших, тяжелых яиц.

Исаак покачал головой и издал жалкий скулящий звук.

"Ты же хотел, чтобы я о тебе позаботилась, не так ли?" - мурлыкала Ванесса. "Приходить к тебе в комнату поздно ночью и позволять тебе сосать мои сиськи и дрочить для тебя твой маленький член". Она пренебрежительно хмыкнула. "Я лучше... трахну собаку... чем снова уложу тебя в постель! Ты кусок дерьма!" Исаак закричал в кляп. Лапы мистера Чиббса уперлись в ее среднюю часть спины, и он начал неуклюже вводить свой большой и толстый собачий член в разгоряченную пизду Ванессы. Раздался невыразимый, небрежный, мясистый звук, когда толстый собачий член вошел в ее скользкую пизду, и смазка брызнула на пол. Ее зад затрясся, когда пес начал двигаться.

Язык Ванессы высунулся изо рта, подражая розовому языку ее клыкастого поклонника. Ванесса задыхалась и стонала от того, как таранный член вбивался в ее лоно, находящееся в полуметре от ее сына. Она была явно возбуждена, ей было гораздо приятнее, когда ее трахал мистер Чиббс, чем когда-либо в школе, в спорте или в семейных делах. "Боже, этот пес заставит меня кончить!" - простонала она. "Это больше, чем ты когда-либо сделаешь для женщины, Исаак! Нннн!" Ее тело содрогалось в непристойной кульминации, когда клыкастый член с мясом впивался в ее пизду, издавая небрежные звуки. "Я... должна была позволить собаке трахнуть меня... когда я была беременна тобой!" - задыхалась она. "Большую породу... с чудовищным членом... Лучше бы... тебя... абортировали собачьим членом!"

Ее глаза закатились, когда она достигла кульминации, а конечности сжались и задрожали. Из ее пизды вытекла струя водянистой собачьей спермы, а затем расширившийся узел плотно сомкнулся, зафиксировав ее на месте со своим нечеловеческим любовником. Катрина ревниво наблюдала за тем, как насилуют ее мать, прикусив пухлую нижнюю губу, а затем посмотрела на отца. "Я бы хотела, чтобы это была я, папочка", - промурлыкала она. Она все еще скрючилась позади Бобби. "Я тоже хочу, чтобы меня трахали собаки. И бомжи. И преступники. Все те люди, о которых ты говорил, что они самые плохие? Я хочу, чтобы они использовали мою пизду!" Она выплеснула на него свое намерение с таким ожесточением, что он вздрогнул и застонал. "А после сегодняшнего дня я найду самых больших, самых грязных, самых мерзких

парней в городе и дам им всем по очереди!"

В ее глазах был настоящий гнев, настоящий бунт. Она подошла к отцу на коленях и ткнула пальцем в промежность его трусов - единственное место, оставшееся незаклеенным скотчем. Нащупав выступ, она недовольно скривилась. "У тебя что, папа, от этого все твердеет?" - обвинила она. "Я едва могу сказать, потому что ты такой маленький". Она потянулась к его ширинке, и Кэл издал самый сильный крик, борясь со своими узами. Но это было бесполезно. Он едва мог сдвинуть стул хоть на миллиметр, каждое движение, казалось, еще больше истощало его силы. А что касается его психического состояния, то он чувствовал смертельный ужас, убийственную ярость... и полное поражение. Он готов был отдать все, чтобы вскочить со стула и обхватить руками шею Бобби. Но он не мог.

Катрина показала Кэлу его член и яйца - унылый трехдюймовый полутвердый корешок в кустике лобковых волос, а под ним два сморщенных шарика. Не только страх и холод в воздухе привели Кэла в такое состояние, но и его полное бессилие и поражение от рук собственного несовершеннолетнего сына. Это было так непристойно - зрелища и звуки, которым он подвергался. Это было зло. Это было...

"Позволь мне рассказать тебе кое-что о непристойности", - сказал Бобби. "И о зле".

Потрясенный тем, что услышал свои собственные мысли, Кэл закатил глаза и уставился на Бобби, который смотрел на него с призрачной смесью уверенности и бесстрастия. Он провел рукой по волосам Катрины. "Катрина, что сделал твой отец, когда узнал, что мисс Клейнер разговаривала с экстрасенсом о своей дочери, которая пропала без вести?"

"Он разозлился", - сказала Катрина. "Он сказал мисс Клейнер, что это просто суеверие и работа дьявола".

"А что он сделал потом?"

"Он пришел к начальнику полиции Греггсу и спросил, может ли он расследовать дело экстрасенса на предмет мошенничества".

"А когда мисс Клейнер вернулась в церковь, что сделал ваш отец?" Бобби продолжал пристально смотреть на Кэла. Катрина держала руку на маленьком, сжавшемся члене и яйцах своего отца, отвечая на его вопросы.

"Он сказал мисс Клейнер, что ясность в ее ситуации наступит только по милости Божьей".

"И сколько после этого мисс Клейнер положила в тарелку для сбора пожертвований?"

"Не менее десяти тысяч", - ответила Катрина. "Я слышала, как он говорил об этом".

"И она когда-нибудь нашла свою дочь?" спросил Бобби. Его голос был нежным шепотом, но в нем, казалось, слышалось эхо космической силы."Твой отец хоть как-то помог этой потерянной, блуждающей женщине?"

"Нет".

Ванесса хрюкнула, когда толстый собачий член мистера Чиббса выскочил из ее киски, узел наконец-то достаточно сжался. Кэл тоскливо застыл на своем месте. Теперь Бобби обратился к Ванессе, которая находилась всего в нескольких футах от него, возле кресла Исаака.

"У Исаака были проблемы в школе год назад или около того, не так ли?" спросил Бобби.

"Да."

"И что же натворил Исаак?" Последовательность вопросов и ответов на них уже почти стала напоминать песнопение, ритуал.

"Он... сделал что-то с девушкой-инвалидом", - призналась Ванесса. На ее лице, казалось, не было видно желания защищать сына от этих обвинений. "Нам позвонил заместитель директора. Психолог сказал... Исаак пытался почувствовать свое превосходство, плохо обращаясь со слабым человеком".

Исаак повесил голову, но скорее от досады, чем от стыда. Это несправедливо, - казалось, говорила его поза. Все это несправедливо, я ни в чем не виноват, все затеяли против меня.

"А что сделал Кэл, когда заместитель директора школы позвонил насчет Исаака?" продолжал Бобби.

"Он сказал ему, что они должны поговорить, и можно что-нибудь придумать", - ответила Ванесса. "Вице-директор Селлерс был членом церкви. Исаак никогда не сталкивался с какими-либо последствиями".

Слова словно повисли в воздухе, и Бобби повернулся к Кэлу и слегка наклонился, чтобы они могли видеть друг друга. На мгновение показалось, что его глаза черны за острой нитяной челкой, которая местами свисала на лоб. Черные, с отблесками свечного пламени, пляшущими, как импы.

"Ты совершаешь такие поступки... и считаешь, что твоя дочь... учась трахаться... поступает непристойно? "

Кэл втянул воздух и закричал в знак отрицания. На мгновение показалось, что воздух наполнился серой. Затем это ощущение прошло. Бобби успокоился и встал на ноги.

Катрина смотрела на него с благоговением. "Могу я... могу я сравнить его член с твоим, Бобби?" - спросила она. Мальчик кивнул, и Кэл снова попытался сопротивляться, но безуспешно. Вскоре Катрина уже зажимала его маленький член между двумя пальцами одной руки... а в другой держала гладкий, мальчишеский, безупречный, великолепный секс-молот Бобби. Тридцать сантиметров толстого мяса, которое она даже не могла обхватить своими стройными пальцами.

"Позволь мне сказать тебе кое-что, папа", - сказала Катрина и посмотрела на его пенис так, словно это было какое-то насекомое. "Твой... маленький член... наверное, всего два дюйма в длину. Это... отвратительно", - пролепетала она, а затем приложила руку к груди, как будто от его вида ей стало физически плохо. "В то время как Бобби... Бобби намного больше тебя". Она вздохнула, затем поцеловала чудовищный член Бобби с полной преданностью. "Из-за него ты выглядишь таким педиком".

Кэл издал раненый звук, и его член задрожал в ее пальцах. "Он так много кончает, а ты, наверное, едва выдавливаешь из себя несколько капель", - обвинила Катрина, глядя в глаза отцу, пока она дрочила большой член Бобби. "На самом деле я ненавижу себя, зная, что у меня есть ДНК твоего червивого члена. Мне хочется трахаться со всякими бомжами и животными и позволять им насиловать меня сколько угодно... лишь бы не трогать ту половину меня, которая произошла от тебя". Она с отвращением сплюнула на землю, и ее голос стал захлебываться.

"Ты должен был стать для меня примером для подражания, папа... но ты оказался таким лживым старым хуесосом!"

Ее рука слегка двинулась по члену Кэла, и глаза Катрины расширились. "Блядь, у тебя что, от этого встает? Ты просто отвратителен!" Ее лицо было серьезным, а темный макияж вокруг глаз делал ее похожей на разъяренную ведьму. "Я не могу поверить, что ты мой отец!" Она протянула руку и притянула Бобби так близко, как только могла, так что его большой член упирался ей в лицо.

"Я хочу, чтобы ты кое-что знал, папочка", - промурлыкала Катрина, потирая большим и указательным пальцами отцовский член. "Я люблю лизать задницу Бобби больше, чем когда-либо любила тебя! Твой приемный сын лучше тебя во всех отношениях. Умнее, сильнее - он такой красивый, а ты просто старый, уродливый кусок мусора. Я буду ссать на твою могилу, а потом облизывать Бобби со всех сторон, чистить его тело своим языком, каждый день после этого. И мы будем смеяться над тем, какой ты педик, пока он использует меня как унитаз! Я хочу, чтобы ты умер, зная, что твоя драгоценная дочь пьет его мочу!"

Кэл беспомощно завыл в кляп из скотча, его тело дергалось. Катрина уклонилась от удара, глядя широко раскрытыми глазами, как одна струя сероватой спермы ее отца вытекает из его узла и падает на пол, оставляя мокрый след. Когда все закончилось, он позорно рухнул на пол. Он не только был вынужден наблюдать за осквернением собственной дочери... но и сам был доведен до грани, и даже за грань, низменностью ее слов. Аморальность, сулящая поступки, которых точно не было в Библии.

Катрина прикрыла рот рукой. "О, Боже!" - прохрипела она, глядя на сперму Кэла. "Это чертовски отвратительно! Она такая... неполноценная! Это как блевотина из твоего крошечного червивого члена!" Было ясно, что она сама испытывает отвращение... хотя и по другой причине, чем Кэл. Она повернулась и развратно присела на корточки, представив отцу свой подростковый пузик, а потом потянулась вниз и раздвинула губки своей смазливой киски. "Я должна убить эту дрянь!" - стонала она.

Ее язык высунулся изо рта, и она с облегчением выдохнула, взорвав отцовский выброс спермы горячим потоком парной мочи, полностью вытерев его. Она вздохнула с чувством глубокого удовлетворения, как будто опорожнение мочевого пузыря на свидетельство его скудного мужского достоинства было для нее ритуалом. По мере того как она это делала, она начала бездумно сосать полутвердый член Бобби - принимая его превосходство, одновременно с этим она обсасывала доказательства мужественности своего отца.

Кэл, до такой степени обманутый, униженный и побежденный, что у него уже не было сил в конечностях, только обмяк в своем кресле, как марионетка с перерезанными ниточками. "А теперь, - задыхалась она, - смотри, как Бобби трахает мое горло, пока я высасываю из него сперму, старый педик!"

Мальчик запустил руки в ее волосы и стал упираться гладким тазом ей в лоб, вгоняя свой член в ее горло, издавая при этом развратные глотательные звуки и заставляя слюну капать и брызгать на грязный кафель. Ванесса, наблюдавшая за происходящим со своего места возле кресла Исаака, закусила губу от возбуждения при виде животного использования своей дочери - роль, которую она теперь считала их долгом перед Бобби как матери и сестры. Она заметила, что Исаак тоже наблюдает за происходящим, видя, как напрягается круглая гладкая попка Бобби, когда он вгоняет свой член в горло Катрины.

"Это то, что ты хотел сделать со мной, не так ли?" - отругала она сына, глядя на Исаака как на

какое-то насекомое - существо, которое своей жалкой природой почти вызывало отвращение. "Посмотри, как Бобби использует горло твоей сестры в качестве киски... Он такой идеальный мальчик, мы позволяем ему делать все, что он хочет". Она печально покачала головой. "Ты никогда не сможешь этого сделать, Исаак. Ты слишком жалкий, никчемный маленький педик".

Исаак застонал. Его раздели, но оставили галстук-бабочку, которая торчала между двумя тугими лентами скотча на узкой груди. Он жалко смотрел полуприкрытыми глазами на Бобби, мальчика, который превосходил и обходил его на каждом шагу, используя свою привлекательную старшую сестру в качестве втулки для члена. Катрина мочилась, как животное, и ее горло выгибалось вокруг погружающейся головки большого молодого члена Бобби. И тут Бобби кончил, из ноздрей Катрины вырвались две струи спермы, и она застонала, как животное, прижав яйца к подбородку, одной рукой подтягивая зад Бобби поближе и стараясь, чтобы его член был полностью погружен в ее горло, пока он выпускал канат за канатом невероятно густую сперму прямо ей в живот. Ее подтянутая подростковая фигура вздрагивала и подрагивала от каждого толчка - Исаак слышал глубокие булькающие звуки, издаваемые густой, как овсяная каша, спермой, извергаемой в ее кишки.

Ванессу это, конечно же, возбуждало, и она постаралась, чтобы Исаак знал об этом. "Смотри, Исаак. Он кончает ей прямо в живот. Он кормит ее... гораздо лучше, чем та еда, которую ставил на стол твой отец!" Она повернула голову и, протянув руку, посмотрела вниз, на скудный выступ в трусиках Исаака. "Посмотри на себя", - прошипела она. "Не могу поверить, что я родила... вот это!"

Она оттянула его пояс. Там, совершенно безволосый, розовый, размером меньше большого пальца, казалось, почти уходящий в лобковую область, яйца и все остальное, находился член Исаака. Хотя он был немного старше Бобби, но не имел и доли того развития. "Знаешь, - промурлыкала Ванесса, поглаживая пальцем крошечный член сына. "Сначала я думала, что ты просто поздно созрел. Но, по-моему, Исаак, это уже половое созревание, на которое только способен твой организм. Бобби делает тебя похожим на сучку." Ее голос был почти ликующим. И когда Бобби кончил в горло Катрины, она поманила его к себе.

Даже в состоянии шока Исаак отпрянул от Бобби настолько, насколько позволяла клейкая лента. Даже присутствие рядом с темноволосым мальчиком внушало ему страх. То, что мать и сестра Исаака находили Бобби таким привлекательным и при этом относились к нему с презрением, совершенно выбивало мальчика из колеи. И не оставалось никаких уловок - он не мог компенсировать это ни жестоким обращением с другими, ни ложью, ни скрытой и трусливой местью. Это был конец. Исаак Стерлинг, всю жизнь бегавший от подобной кары, теперь должен был расплачиваться. Ему не удастся выкрутиться, и отцовская рука не обеспечит защиты.

Ванесса взяла в руки член Бобби, все еще смазанный соками из горла Катрины, и непристойно поцеловала головку, выковыривая из кончика струйку спермы и засасывая ее в рот. "Видеть член Бобби рядом с твоим... это действительно... чертовски жалко!" - сплюнула она, протягивая противоположную руку, чтобы зажать пенис Исаака между двумя пальцами. "Мне противно, что я родила такого маленького педика!" Она притянула Бобби ближе; он молча смотрел на Исаака, а его толстый член нависал над ним, как молот.

"В тебе едва два дюйма, а в Бобби почти фут, хотя ему всего восемнадцать лет!" - выругалась Ванесса. выругалась Ванесса.

"Я готова на все ради такого мальчика, как Бобби, понимаешь? Все, что угодно. Ты всегда был таким плаксивым маменькиным сынком, Исаак, - делал все, чтобы привлечь мое внимание,

когда тебе нужно было, чтобы тебя погладили и ткнули лицом в мои сиськи. Но я безвозмездно отдала Бобби то, чего ты добивался хитростью, ложью и уговорами... свою безграничную преданность!" Она наклонилась и поцеловала кончик члена Бобби.

Глаза Ванессы стали полуприкрытыми, она наклонилась к Исааку и злобно произнесла. "Я хочу, чтобы ты кое-что увидел. Я хочу, чтобы ты смотрел". Она развернула Бобби, обхватила его за бедра и развратно выставила перед собой его гладкий, молодой, круглый зад. Исаак застонал от поражения, когда Ванесса раздвинула щеки Бобби и запустила язык в его розовую, манящую попку, одновременно используя свои огромные груди для траханья его члена сзади. Ее губы растянулись, когда она всасывала его анус, высасывая кишки и стоная. Когда ее рот оторвался, выпустив прядь слюны, она застонала:

"Боже, как охуительно вкусно!" - сказала она.

Ванесса прижалась щекой к ягодицам Бобби, прижимаясь к ним, и стала трахать его торчащий вниз член. При этом она смотрела на Исаака, желая, чтобы он видел все подробности. "Его член такой большой и толстый между моих сисек", - рассказывала она. "Готова поспорить, что я даже не смогу почувствовать твой, Исаак, он такой маленький и жалкий. И смотри - ты такой педик, что напрягаешься, глядя, как твоя мать лижет задницу мальчику, который полностью тебя победил". Ее тело слегка подрагивало, казалось, ее одолевала волна тошноты. "Меня от тебя тошнит!"

Она прижалась к ногам Бобби. "Ты вкрадчивый маленький ублюдок. Думаешь, ты можешь ныть, умолять, задирать нос... и заставить меня полюбить тебя? Да я лучше с таким мальчиком, как Бобби, который будет обращаться со мной как с дерьмом, чем когда-либо увижу тебя снова, маленькая сучка!" Она смотрела на Бобби так, словно тот был божеством. "Пожалуйста...", - умоляла она. "Трахай меня до тех пор, пока я не смогу забыть этого никчемного педика. Прямо перед ним. Используй меня как унитаз! Накажи меня за то, что я родила этот кусок дерьма!"

Бобби повернулся, его глаза, казалось, вспыхнули, и он крепко схватил голову Ванессы своими проворными руками. Раздался влажный звук "глюууаррк", когда он безжалостно вогнал свой член в горло приемной матери, не заботясь о ее комфорте и достоинстве. Исаак не мог оторвать глаз от толстого члена, впивающегося в горло матери. В этот момент он понял, что его мать любила этого мальчика, который обращался с ее горлом как с туалетом, больше, чем когда-либо любила его самого. Его жалкий член беспомощно дергался, пока Бобби трахал ее, извлекая из Ванессы все более и более развратные придушенные звуки. Его толстые яйца бились о ее шею, выплескивая слюну и сперму на ее декольте.

Бобби отстранился, и она задышала, ее темная, колдовская тушь потекла черными слезами, которые были какими-то дьявольскими. Нити густой горловой слизи соединили ее рот с его членом. "Пожалуйста, накажи меня за то, что я родила этого педика!" - прохрипела она, а Бобби отвёл руку и отвесил ей звонкую пощёчину, совершенно измотав её лицо полными, гулкими, разящими ударами своей открытой ладони. И когда Исаак жалобно застонал от этого доказательства своей неполноценности - его мама скорее предпочтет, чтобы ее избил, как куклу, какой-то повеса, чем посмотрит на него, - он увидел, что она дрожит, она теребит себя пальчиками, она вся в смазке от такого обращения! Она открещивалась от материнства - высшей степени осквернения - и ей это нравилось!

Его узкие плечи ссутулились, когда Бобби в течение пяти минут подряд хуесосил и трахал в череп свою мать у него на глазах. Свободные руки, мерзкие образы подпрыгивающих грудей Ванессы, захлебывающиеся стоны и толстый слой спермы, закачиваемый в ее глотку, довели Исаака до душераздирающего судорожного спазма, который поставил крест на всем чувстве

собственного достоинства, к которому могло стремиться его ядовитое эго. И краем глаза мать увидела, как из его маленького члена вытекают капли прозрачной, бесплодной спермы.

Она уперлась руками в гладкий живот Бобби, и он вынул свой член. "О, нет!" застонала Ванесса. "Это... чертовски отвратительно... Исаак... твой червивый член, из которого вытекает полусформированная, мусорная сперма... заставляет меня хотеть... хотеть..."

Бобби вцепился в ее волосы, прижимаясь к ее животу. "Я не могу позволить жить ни одной из твоих недочеловеческих сперматозоидов", - укоряла она Исаака. "Ты ведь понимаешь, да? Я не могу позволить тебе загрязнять мир своей никчемностью!" Она вздохнула с досадой. "Боже, надо было сделать аборт!"

Глаза Исаака расширились, когда его мать засунула пальцы в рот и стала трахать свое лицо собственной рукой, широко раздвигая челюсти и щекоча пальцами ущелье.

По ее перекошенному лицу было видно не только то, в какого хуесоса превратил ее Бобби, далеко ушедший от ее прежнего мягкого облика, но и ее решимость очистить себя и весь мир от любых следов своего биологического сына.

“Хууургг!” прохрипела Ванесса и извергла на член и промежность Исаака кашицу из спермы и серо-желтого содержимого своего желудка, утопив все следы его генетического материала в своей желудочной кислоте. Она вдохнула и с почти такой же силой выплеснула второй раз, добавив еще больше спермы и слизи, а затем, задыхаясь, опустилась на одно колено.

"Прости, Исаак", - сказала она, ее голос охрип. "Ты просто такой чертовски отвратительный... Я все равно собиралась блевать от того, какой ты педик и какой у тебя маленький член... так будет лучше". Она подползла к нему и оперлась грудью на его верхние бедра, ее огромные сиськи тяжело нависли над ним, когда она серьезно посмотрела на него. "Просто... сиди здесь, как бесполезная сучка, пока Бобби насилует мою задницу. Я хочу, чтобы ты почувствовал, как он это делает. Я хочу, чтобы ты знал, что твой брат заставляет меня кончать, разрывая мою дырку!"

Она раздвинула свои большие, круглые, зрелые щеки, как свиноматка во время течки. Сколько раз юный Исаак наблюдал, как эти большие мясистые бугры колышутся в юбке и фартуке? Сейчас она принимала в свою задницу огромный член Бобби. На всю длину. Его мать занималась грешным, нерепродуктивным сексом в задницу с мальчиком, который был даже младше его. Ей это нравилось... и Исаак чувствовал каждый удар своего члена, растягивающего кишечник, когда он переворачивал мамины кишки!

Действительно, раздался мясистый, сдавливающий звук, когда смазанный член Бобби вошел в дырку Ванессы. "Фуууууууууук!" - зарычала она. "Изнасилуй меня прямо на этом маленьком пидоре! Мне на него насрать!" И небрежный звук растягиваемого ануса заполнил кухню, когда свечи догорели и окутали все их тела дьявольским светом полумрака. Ее щеки хлопали. Ее кишки вздрагивали. Стенки ее расширенной задницы с каждым ударом обхватывали толстый член Бобби на выходе, и Исаак сидел в первом ряду, чтобы видеть все это. Пока ее трахали, Ванесса снова и снова повторяла ему, что не любит его, что он - маленькая сучка с маленьким членом, от которого у нее болит живот, что она жалеет, что не сделала аборт.

Катрина, придя в себя после траха в лицо, пригласила не менее пришедшего в себя мистера Чиббса оседлать ее сзади, чтобы отец увидел, как ее трахает в пизду собака, а она рассказывает ему, что собирается ссать на его могилу и позволять бродячим зверям и бездомным насиловать ее, пока она не забрызгает его надгробье. У Кэла может родиться внук,

издевалась она, но он понятия не будет иметь, кто его отец, поскольку она планирует стать канализацией для всех свободных людей и так называемых дегенератов, против которых он проповедовал. Иммигранты, наркоманы - она собиралась прогибаться под каждого из них. Она называла его старым хуесосом и куском дерьма, то и дело напоминая, что это Бобби победил его, Бобби, который был намного лучше. Она с радостью рассказывала ему, что не раз целовала его "с добрым утром" после того, как выпивала мочу Бобби или вылизывала его задницу.

По мере того как продолжался разврат, пламя на свечах, казалось, становилось все сильнее. В этом ритуале не было ничего современного, ничего привычного. Это было то самое пиршество, которое совершалось еще до того, как человек придумал бога, когда мораль была первобытной и основывалась на необходимости. Ничто не было запрещено, все было дозволено.

Сгорбившись в креслах, побежденные во всех отношениях, Кэл Стерлинг и Исаак Стерлинг могли только трепетать в своих оковах, пока их заветных родственниц, некогда бывших символами красоты, жестоко трахали прямо над ними.

Когда Ванесса прорычала сыну, что Бобби закачивает ей в задницу столько спермы, что она будет выливать ее в течение недели, Исаак находился в почти катоническом состоянии, исключающем какую-либо реакцию. Глаза Кэла Стерлинга не мигая смотрели на коматозное поражение, когда его драгоценная дочурка оргазмировала, ее спазмированная пизда была до неузнаваемости растянута толстым собачьим членом, о чем она с ликованием прошептала ему на ухо. "Те религиозные бойфренды, которых ты хотел, чтобы у меня были... я теперь их жаде не почувствую", - прорычала Катрина. "Ты слышишь это, папа? Звук растягивающейся изнасилованной собаками пизды? Блядь, как же я люблю пить мочу, сосать собачий член и лизать задницы парням!"

Они молча смотрели, как девушки испытывают свои порочные оргазмы и отстраняются, уходя из поля зрения, как только дрожащие ноги и ослабевающие собачьи узлы позволили им это сделать, позволяя Бобби вернуться к своему креслу и смотреть на них обоих. И Кэл, и Исаак смутно догадывались, что это расплата, хотя ни тот, ни другой не могли отделаться от мысли о несправедливости - о том, что Бобби был тем злым существом, которое проникло в их праведный семейный круг и развратило его, забрав Ванессу и Катрину в качестве своих трофеев. Но даже в крайнем отчаянии они не могли понять, что именно за ними он пришел, именно они были его призом.

Его непристойность - непристойность бунтующей плоти или табу, чужого, странного, грязного и темного - была зеркальным отражением их собственной. Непристойность лжи, манипуляций, жадности. И кто же на самом деле был более непристойным? Взгляд Бобби, казалось, задавал этот вопрос. Непристойность матери, оставившей собственного сына? Или дочь, которая проливает кровь отца, служа дьяволу?

Или... непристойность проповедника, который использует свою паству в своих интересах?

Или о наследнике, принце, который не видит человечности в овцах?

Это было очень по-ветхозаветному. Вопрос, который задал бы разгневанный бог.

И в тот последний миг, когда он почувствовал у своего горла острый нож, Кэл понял, что Бобби пришел не за его женой или дочерью, а за ним. За ним и Исааком. Богу не было дела до их душ... но у кого-то другого могло найтись место для лжеца, растлителя, человека, погрязшего в алчности и жестокости.

Было место, где они с Исааком очень хорошо вписались бы.

И он, и Исаак, казалось, пришли к этому осознанию одновременно, и глаза Бобби вспыхнули, как нож, приставленный к горлу.

"Я никогда не любила тебя, педик-социопат, убивающий собак", - прошипела Ванесса на сына и выхватила нож. Это было не менее непристойно, чем то, как Исаак издевался над девочкой-инвалидом, чтобы выразить свое превосходство.

"Гори в аду, лживый хуесос", - сказала Катрина своему отцу, разрезав его шею от уха до уха. Он бессовестно поощрял со своей кафедры поступки еще более аморальные.

После резкого удара боли не было - только недоумение и растерянность от того, что все так вышло, что восемнадцатилетний ребенок одержал верх. Затем свет померк и наступила окончательная черная тьма, когда кровь полилась на пол.

"Бога нет", подумал Кэл. Впервые он смог признаться себе в том, во что верил с самого начала.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

http://tl.rulate.ru/book/4046/121161